

Научная статья

УДК 81'25:06.053.56

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-87-104

Присутствие в «месте, которого нет»: о когнитивных и психологических механизмах удаленного устного перевода

Екатерина Сергеевна Краснопеева

Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия

krasnopееva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3503-1849>

Аннотация

В статье представлен аналитический обзор подходов к трактовке понятия присутствия в исследованиях удаленного конференц-перевода и перевода в социальных ситуациях. Отбор научной литературы выполнен по ключевым словам на английском языке в базе данных Scopus. Приводится краткая характеристика существующих теоретических концепций и моделей присутствия как комплексной категории, направленной на интерпретацию пользовательского опыта восприятия пространства и взаимодействия с другими агентами в техногенной среде. Обзор показывает, что исследователи перевода опираются на ключевые концепции опосредованного телеприсутствия, при этом единый подход к определению этого феномена отсутствует. Присутствие понимается одновременно и как ощущение, и как факт технологической опосредованности перевода (виртуальное присутствие); зачастую не проводятся различия между социальным и пространственным присутствием; присутствие рассматривается в одном ряду с понятиями погружения, вовлеченности, потока, когнитивного поглощения. Также в научном переводческом дискурсе сформировалась узкая инструментальная трактовка: присутствие противопоставляется состояниям и/или ситуациям, в которых переводчик испытывает ощущения изоляции, отчужденности, оторванности, непричастности к происходящему на экране, не может почувствовать интенции коммуникантов и ощутить себя в той среде, где происходит коммуникация. С одной стороны, такой взгляд важен с точки зрения целей и задач исследований удаленного перевода и в целом не противоречит теоретическим концепциям присутствия. С другой стороны, он зачастую оставляет в тени широкий объяснительный потенциал моделей присутствия, учитывающих влияние факта технологической опосредованности на такие важные для речевой деятельности переводчика механизмы, как внимание, память, воображение, пространственное мышление, вероятностное прогнозирование. Наиболее целостный подход к феномену присутствия можно найти в программных работах П. Музуракиса и Б. Мозер-Мерсер, а также в недавних прикладных исследованиях. В перспективе интерес представляет интеграция когнитивных моделей перевода и моделей присутствия в неиммерсивных виртуальных средах для интерпретации результатов эмпирических исследований удаленного перевода.

Ключевые слова

переводоведение, присутствие, технологически опосредованная межъязыковая коммуникация, удаленный перевод, устный перевод

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10218, <https://rscf.ru/project/23-28-10218/> и Челябинской области в Челябинском государственном университете.

Для цитирования

Краснопеева Е. С. Присутствие в «месте, которого нет»: о когнитивных и психологических механизмах удаленного устного перевода // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 87–104. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-87-104

© Краснопеева Е. С., 2024

Presence in “No-Place”: On the Nature of Cognitive and Psychological Aspects of Remote Interpreting

Ekaterina S. Krasnopeyeva

Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

krasnopeyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3503-1849>

Abstract

This article presents a review of the concept of presence in technology-mediated interpreting research. It briefly considers a theoretical framework behind presence as a multidimensional category that deals with the integrated nature of spatial and social experience in mediated environments. The review encompasses twelve English-language articles identified through keyword search in the Scopus database, covering studies of remote interpreting scenarios in both community and conference settings. A closer look at the presence definitions brought together in this review shows that although interpreting researchers draw on the theoretical considerations from Telepresence Studies, there is no unified approach to defining presence. In interpreting research, the term ‘presence’ can refer to both interpreters’ subjective experience and the fact of technological mediation (virtual presence opposed to physical presence of an interpreter in the room). Lack of presence experienced by an interpreter is also referred to as alienation, isolation, detachment, feeling of distance, lack of involvement, and difficulty grasping the intentions of the speakers. While interpreting scholars ultimately aim to mitigate psychological discomfort caused by remoteness, they rarely specifically document interpreters’ presence experience. Therefore, in their framework, presence often overlaps with the concepts of immersion, involvement, cognitive absorption, and flow. The distinction between social and spatial presence phenomena is often disregarded. Thus, presence serves as an instrumental label, a causal factor in the assessment of interpreters’ psychological wellbeing and their attitude to the new workplace configuration. While this does not go against the general understanding of presence as a subjective experience conjured by media exposure, this approach does not fully utilize the broad explanatory power of the models of presence that take into account the influence of mediation on such key interpreting mechanisms as attention allocation, cognition, memory, imagination, spatial orientation, and anticipation. In this regard, a more comprehensive treatment of presence can be found in the foundational papers by P. Mouzourakis and B. Moser-Mercer, as well as in more recent applied studies of cloud-based RSI. Integrating process models of interpretation and presence may offer a more holistic perspective for future remote interpreting research.

Keywords

translation studies; interpreting; technology mediated multilingual communication; remote interpreting; presence

Funding

This study was funded by the Russian Science Foundation, Grant № 23-28-10218, <https://rscf.ru/en/project/23-28-10218/>, and the Chelyabinsk Region of the Russian Federation, and carried out at Chelyabinsk State University.

For citation

Krasnopeyeva E. S. Presence in “no-place”: on the nature of cognitive and psychological aspects of remote interpreting. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 87-104. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-1-87-104

Введение

Удаленный перевод – это такая разновидность дистанционного устного перевода, при которой переводчик не находится в одном физическом пространстве с участниками коммуникативной ситуации и выполняет профессиональные задачи с применением телекоммуникационных технологий. Как отмечает Ф. Пёххакер, на сегодняшний день в индустрии закрепились три ключевых сценария удаленного перевода [Pöchhacker, 2022, p. 153–154] (здесь и далее перевод наш. – Е. К.):

1) синхронный перевод очных мероприятий, при котором в кабину (удаленную или «виртуальную») кабину RSI-платформы¹ [Saeed et al., 2022]) передается аудио и видео из помещения, где проводится мероприятие, участники на месте имеют возможность слушать перевод, видеозображение переводчика им недоступно;

¹От англ. remote simultaneous interpreting – удаленный синхронный перевод.

2) синхронный перевод онлайн-мероприятий, при котором используется инфраструктура RSI-платформы, переводчику доступно видео участников мероприятия, участники имеют возможность подключиться к аудиоканалу с переводом, видеоизображение переводчика им также недоступно (за редкими исключениями);

3) двусторонний последовательный абзацно-фразовый перевод онлайн-мероприятий в режиме видеоконференции, при котором все стороны имеют доступ к аудио и видео друг друга.

В качестве источника аудиовизуальной информации для переводчика в данных конфигурациях предстает виртуальная неиммерсивная среда, которая создается посредством гарнитуры, мониторов и соответствующих программных продуктов. Несмотря на то что перечисленные сценарии обнаруживают отличия как с точки зрения переводческих задач, так и с точки зрения технологического обеспечения, при работе в каждом из них переводчики указывают на особое состояние, которое сложно поддается описанию [Moser-Mercer, 2005a]: чаще всего его характеризуют как ощущение изоляции, отчужденности, отстраненности, непричастности к происходящему на экране, невозможности «прочувствовать» интенции коммуникантов и ощутить себя в той среде, где происходит коммуникация (*isolation, detachment, alienation, remoteness, distance, lack of participation*). На ранних этапах исследований природу подобных переживаний, а также повышенную утомляемость и когнитивную нагрузку связывали с несовершенством технологий и априори негативной установкой переводчиков по отношению к работе в новых условиях. Однако ни появление более сложных технологических решений, ни постепенное изменение взглядов переводчиков не привели к полному исчезновению психологического дискомфорта при удаленном переводе [Mouzourakis, 2003].

За период пандемии многие специалисты успели адаптироваться к работе в дистанционном режиме, а заказчики – оценить его гибкость и коммерческую привлекательность. Тем не менее и сегодня использование удаленного перевода остается неуместным в широком круге ситуаций, поскольку у сторон не всегда есть возможность обеспечить должное оборудование, высокое качество аудио- и видеoinформации, а также в достаточной мере информировать всех участников общения об особенностях работы с переводчиком удаленно – в совокупности эти факторы могут приводить к высоким репутационным и производственным рискам.

Нетрудно предположить, что с развитием цифровых технологий набор сценариев дистанционного перевода неизбежно расширится [Skinner et al., 2018]. Именно поэтому поиск инструментов для изучения технологически опосредованной коммуникации и выявления способов информационной и психологической поддержки переводчика [Saeed et al., 2022] остается актуальной проблемой.

П. Музуракис подчеркивает, что для создания оптимальных условий труда переводчика необходимо уделить внимание когнитивно-эргономическим и психологическим аспектам удаленного перевода [Mouzourakis, 2006, p. 56]. В ряде исследований в качестве необходимого условия для успешного осуществления переводческой деятельности в дистанционном режиме рассматривается психологическое состояние присутствия (*presence*): по словам Р. Скиннера, Дж. Напьер и С. Браун, «присутствие, очевидно, является важным фактором в ситуации, когда процесс перевода опосредован аудиовизуальными технологиями» [Skinner et. al, 2018, p. 20], при этом дискуссионным остается вопрос о влиянии этого ощущения на способность переводчика выполнять профессиональные задачи [Ibid., p. 21].

В данной статье мы ставим цель выявить роль категории присутствия в исследованиях удаленного перевода. Для этого мы представляем краткий обзор существующих позиций в научном направлении Presence Studies, а также на основе выборки релевантных исследований удаленного перевода в базе данных Scopus обсуждаем подходы к трактовке присутствия и ряд факторов, потенциально оказывающих влияние на опыт присутствия и когнитивные и психологические механизмы перевода.

1. Понятие присутствия

Феномен присутствия более тридцати лет изучается с позиций целого ряда дисциплин – от психологии, когнитивистики и теории коммуникации до философии, медицины и инженерных наук [Biocca, 2015, p. 1]. На сегодняшний день сформирован широкий круг теоретических концепций, выделяющих различные аспекты, компоненты и факторы присутствия (см. обзоры в [Авербух, 2022; Biocca, 2015; Felton, Jackson, 2022; Hartmann et al., 2015; Lee, 2004; Lombard, Ditton, 1997; Lombard, Jones, 2015]).

Среди наиболее известных дефиниций присутствия – «иллюзия непосредственности» (*illusion of non-mediation*) М. Ломбарда и Т. Диттона [Lombard, Ditton, 1997; Lombard, Jones, 2015, p. 14]. По логике данного определения, условием для формирования ощущения присутствия является наличие медиа – (технологических) средств, опосредующих взаимодействие. Теории присутствия применяются для описания ощущений, возникающих при просмотре кино или чтении книги [Wirth et al., 2007], а также для интерпретации уникальных переживаний при взаимодействии с виртуальной реальностью, которая создается с помощью специальных очков или CAVE-систем, способных полностью заменить стимулы реальной среды [Авербух, 2022]. Существует и более широкий взгляд на природу присутствия как механизма, не зависящего от использования каких-либо стимулов и лежащего в основе механизмов восприятия, интенциональности и действия [Riva et al., 2015]. Соответственно, важным требованием в современных исследованиях присутствия является прозрачность используемых теоретических оснований [Lombard, Jones, 2015, p. 29].

Одно из ключевых концептуальных разграничений, которое рекомендуют учитывать при обращении к категории присутствия – это разделение пространственного (*spatial presence*) и социального присутствия (*social presence*)² [Lombard, Jones, 2015; Felton, Jackson, 2022]. В исследованиях первого акцент делается на опыте восприятия пространства, при изучении второго – на опыте взаимодействия с иными агентами, которые могут быть одушевленными или восприниматься таковыми. При этом категории пространственного и социального присутствия не являются взаимоисключающими и могут изучаться параллельно [Lombard, Jones, 2015, p. 29].

Концепция пространственного присутствия – «ощущения или иллюзии нахождения в среде, создаваемой посредством технологий» – восходит к категории телеприсутствия (*telepresence*), предложенной М. Минским для описания состояния оператора оборудования, дистанционно выполняющего работы и ощущающего свое присутствие «там» (*that sense of “being there”*), на месте выполнения работ [Hartmann et al., 2015, p. 116]. В. Вирт и коллеги, развивая эту идею, предлагают модель, в соответствии с которой пространственное присутствие имеет два измерения [Ibid, p. 125–126; Wirth et al., 2007]: ощущение собственного места в пространстве (*self-location*), а также восприятие возможности действовать в данном пространстве (*possible action*). Формирование ощущения присутствия происходит в два этапа. На первом этапе формируется пространственная модель ситуации (*spatial situation model*) или пространственный гештальт [Hartmann et al., 2015, p. 123]. На этом этапе задействован механизм внимания, с его свойствами распределения и избирательности. Происходит восприятие и интерпретация стимульной информации, ее соотнесение с имеющимися в памяти пространственными сценариями. Влияние на эти процессы оказывают 1) технологические факторы (*media factors*) – наличие пространственных «подказок» и их согласованность; а также 2) персонологические факторы (*user characteristics, personological factors*), включающие особенности мышления, в том числе пространственного, и воображения, которое способно компенсировать недостаток информации о пространстве. На втором этапе происходит борьба между стимулами реальной

²Также в ряде исследований в качестве отдельной категории выделяется личностное или я-присутствие (*self-presence*) как состояние, при котором репрезентация (например, аватар) в виртуальном пространстве воспринимается пользователем как часть себя [Lee, 2004, p. 46]. В данной работе этот вид присутствия подробно не освещается.

действительности и виртуальной среды, в результате чего происходит проверка и закрепление гипотезы о собственном месте в пространстве. На этом этапе также оказывают влияние 1) технологические, 2) персонологические и 3) деятельностные факторы (*user actions, activity factors*). Например, принятию гипотезы о нахождении в виртуальной среде будет способствовать иммерсивность медиа (с такими характеристиками, как реализм и интерактивность). При взаимодействии с неиммерсивными средами для закрепления устойчивой гипотезы решающими будут такие психологические состояния пользователя, как вовлеченность (*involvement*), в том числе эмоциональная [Wirth et al., 2012], поглощение (*trait absorption*), а также приостановка или подавление неверия (*suspension of disbelief*).

Социальное присутствие (*social presence*) определяют как один из типов присутствия или его компонент. В ряде исследований, в том числе исследований устного перевода, социальное присутствие понимается как непосредственно физическое присутствие другого (*presence of the other*) или убеждение в присутствии другого, которое влияет на мышление и поведение человека [Вюсса, 2003]. По [Вюсса et al., 2001], социальное присутствие имеет три измерения: 1) со-присутствие (осознание, в том числе взаимное, присутствия другого); 2) психологическая вовлеченность (концентрация внимания на другом, эмпатия, понимание интенций, мотивации, мыслей собеседника); 3) включенность в деятельность (*behavioral engagement*) (осознание того, что действия осуществляются совместно, есть взаимная реакция на действия друг друга). В ряде подходов социальное присутствие определяется как ощущение нахождения с другим в одном пространстве, что роднит концепции пространственного и социального присутствия [Вюсса, 2003]. Как и присутствие пространственное, мы рассматриваем социальное присутствие как субъективное ощущение, связанное с технологической опосредованностью коммуникации.

Практическая значимость исследований присутствия строится на допущении, что переживание данного опыта влияет на эффективность взаимодействия с виртуальной средой, и, соответственно, может отражаться на эффективности выполнения в ней профессиональных и иных задач. Определение факторов возникновения ощущения присутствия имеет особое прикладное значение в медицине (хирургии и практике психотерапии), в видеоигровой индустрии, в сфере управления коллективным взаимодействием в коммуникативных средах, в сфере образования при использовании систем виртуальной реальности для освоения различных профессиональных задач [Wirth et al., 2007, p. 495], а также, как показал приводимый ниже обзор, в индустрии перевода. Рассмотрим, на какие определения присутствия опираются переводоведы, и какую роль играет эта категория при трактовке свойств удаленного перевода.

2. Присутствие в исследованиях удаленного устного перевода

2.1. Материал и методы исследования

Для проведения обзора мы обратились к выборке библиографических данных научных публикаций на английском языке, отобранных по запросу «TITLE-ABS-KEY ((interpreter OR interpreting) W/10 (remote OR video OR *phone OR distan* OR vri OR rsi OR vci))» от 10.10.2022 г. в базе данных Scopus. Поисковая выдача составила 868 публикаций, из которых отобрана коллекция из 143 релевантных работ, раскрывающих различные аспекты удаленного синхронного перевода, перевода с применением технологии видеосвязи и перевода телефонных переговоров. Распределение этих публикаций по времени выхода (рис. 1) позволяет говорить о повышении интереса к проблемам дистанционного перевода в последние годы.

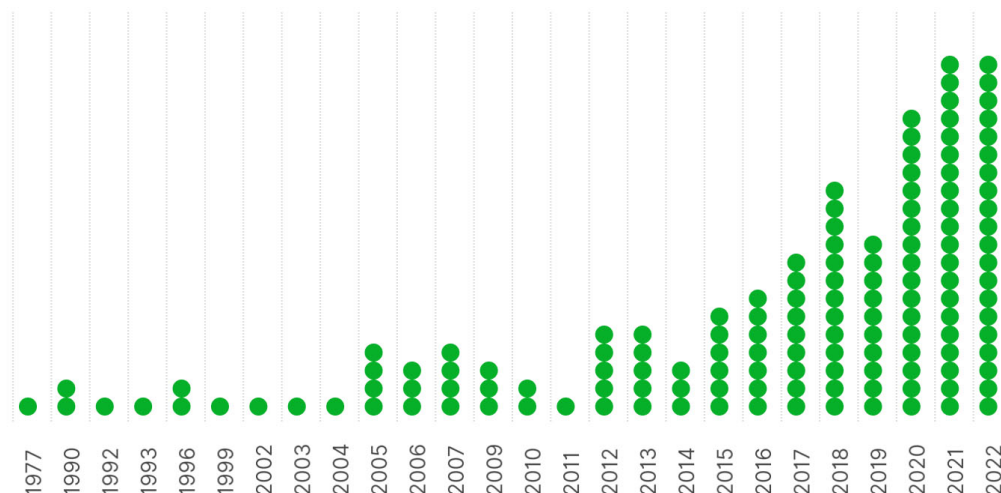

Рис. 1. Распределение публикаций в коллекции по годам³

Fig. 1. Distribution of papers in the collection according to years of publication

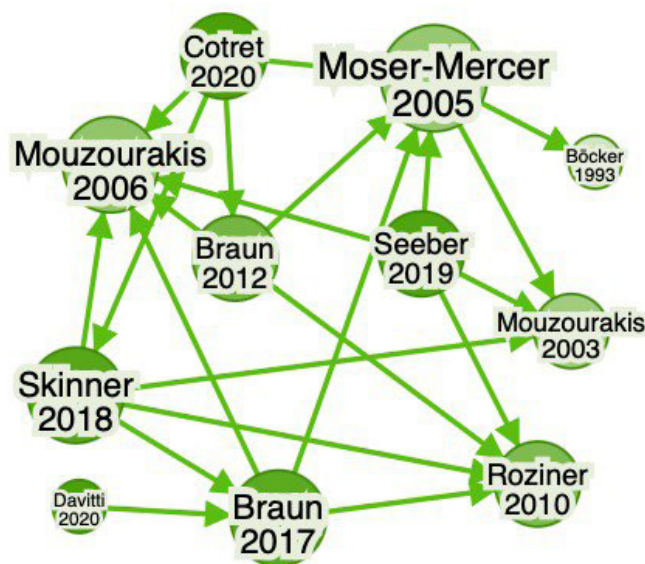

Рис. 2. Карта связей публикаций в выборке

Fig. 2. Map of citation relationships in the sample

В аннотациях, ключевых словах и заголовках статей в коллекции выполнен поиск термина *presen** (*presence, present*), в результате чего выделена выборка из девяти⁴ значимых публикаций. На основе данных о цитируемости этого списка статей с помощью инструментов плат-

³Иллюстрация создана в программе Scimago Graphica (<https://www.graphica.app/>).

⁴Одна публикация, отвечающая критериям поиска, исключена из обзора, поскольку она посвящена использованию иммерсивных технологий виртуальной реальности как инструмента для тренировки навыков устных переводчиков [Braun et al., 2020]. Большая же часть рассмотренных работ строится на допущении формирования ощущения присутствия в условиях неиммерсивной виртуальной среды, создаваемой с помощью традиционных средств вывода информации, чаще – монитора и гарнитуры. Рассмотрение влияния иммерсивных сред на процесс устного перевода, на наш взгляд, требует отдельного исследования.

формы Research Rabbit AI (<https://www.researchrabbitapp.com/>) создана «карта»⁵ публикаций (рис. 2), а также выявлены еще четыре релевантные публикации, упоминаемые в библиографических списках выборки. В итоге рассмотрены полные тексты 12 авторитетных публикаций по исследуемой тематике, представленные в таблице п. 2.2.

В качестве ограничения обзора следует назвать использование данных только базы Scopus, поскольку обсуждение опыта присутствия в теории перевода, вероятно, не сводится к указанному списку работ на английском языке. Тем не менее, на наш взгляд, полученная выборка позволяет в систематическом ключе проследить динамику обращения к теоретическим трактовкам присутствия в зарубежном переводоведении.

2.2. Ключевые трактовки присутствия и особенности их применения в исследованиях удаленного перевода

Перед тем как начать рассуждение об определениях феномена присутствия, которые используют исследователи удаленного перевода, отметим, что описание субъективного ощущения присутствия переводчика не является целью рассматриваемых работ. Категория присутствия предстает в них в качестве одного из инструментов для решения прикладных задач, которые трансформируются со временем: от определения принципиальной возможности удаленного перевода к поиску отличий между контактными и удаленным переводом, к оптимизации пользовательского опыта переводчика и выявлению средств поддержки удаленной работы. Именно поэтому интересно проследить, каким образом на протяжении тридцати лет меняется роль присутствия как составляющей теоретико-методологического аппарата исследований.

Определения присутствия в исследованиях удаленного устного перевода

Definitions of Presence in Remote Interpreting Studies

№	Публикация и вид исследования	Определение и/или роль феномена присутствия в исследовании	Тип присутствия и источник определения
1	2	3	4
<i>Удаленный синхронный перевод (конференц-перевод)</i>			
1	[Böcker, Anderson, 1993, p. 236] Эксперимент	Социальное присутствие как ощущение нахождения в одной комнате с собеседником (“feeling of being in the same room with the interlocutor”)	Социальное [Short et al., 1976]
2	[Mouzourakis, 2003] Теоретико-методологическое	Ощущение нахождения «там», ощущение непосредственности взаимодействия (“sense of ‘being there’, of presence, or the ‘perceptual illusion of nonmediation’ within that virtual environment”)	Пространственное [Lombard, Ditton, 1997]

⁵На карте не отображена публикация [Saeed et al., 2022], поскольку данные о библиографическом списке статьи недоступны на платформе Research Rabbit AI. Отметим, что М. А. Саид и коллеги также ссылаются на следующие работы в выборке: [Mouzourakis, 2006; Moser-Mercer, 2005; Roziner, Shlesinger, 2010; Seeber et al., 2019].

Продолжение табл.

1	2	3	4
3	[Moser-Mercer, 2005, p. 729] Теоретико-методологическое, метаанализ	Субъективный опыт нахождения в месте или среде, в которой физически не присутствуешь (“subjective experience of being in one place or environment, even when one is physically situated in another”)	Пространственное [Witmer, Singer 1998]
4	[Mouzourakis, 2006, p. 56–58] Теоретико-методологическое	Ощущение нахождения «там», в виртуальном пространстве; отсутствие отчужденности (“sense of ‘being there’, or (self-) presence within that virtual environment ... presence (or the absence of alienation”))	Пространственное* [Mouzourakis, 2003]
5	[Roziner, Shlesinger, 2010, p. 217] Эмпирическое	Присутствие как ощущение «нахождения там»; фактор в экспериментальном исследовании, наряду с факторами мотивации и социальной изоляции (“the role of human factors – including motivation, the effects of social isolation and the psychological role of presence (of “being there”) in a mediated environment”)	Пространственное [Moser-Mercer, 2003]
6	[Seeber et al., 2019, p. 295] Эмпирическое	Присутствие как ощущение «физического нахождения в конференц-зале», ощущение «нахождения там», в качестве смежных понятий приводятся ощущения потока, погружения и когнитивного поглощения (“the participants’ feeling of ‘being there’, also known as ‘flow’, ‘cognitive absorption’ or ‘immersion’ in the psychology of videogames”)	Пространственное* [Mouzourakis, 2006]
7	[Saeed et al., 2022, p. 218-219] Теоретико-методологическое, эмпирическое	Присутствие как способность виртуальной среды вызывать ощущение нахождения в этой среде / вместе с кем-то; способность психологически перенести пользователя в искусственное пространство. Разграничиваются виртуальное присутствие и телеприсутствие. (“Presence ... as the ability of a virtual environment to induce feelings of being present/together; “a psychological state in which the virtuality of experience is unnoticed” “social presence in virtual worlds as the ability “to psychologically transport the user to an artificial environment during the experience”)	Пространственное [Lee, 2004]; социальное [Franceschi et al., 2009] и др.
<i>Удаленный последовательный перевод (в социальных ситуациях)</i>			
8	[Braun, 2012] Обзор эмпирических исследований	Сложность установления раппорта приводит к ощущению снижения «социального присутствия» (“...Short et al. have postulated that the rapport between the interlocutors in a VC is usually weaker than in traditional face-to-face communication, leading to a feeling of reduced ‘social presence’”)	Социальное [Short et al., 1976]

Окончание табл.

9	[Braun, 2017, p. 2, p. 11] Эмпирическое	Виртуальное присутствие противопоставляется физическому присутствию переводчика. Особенности видеокommunikации приводят к трудностям установления раппорта, определяемым также как ощущение «удаленности» (“the interpreter’s virtual (as opposed to physical) presence”“...A lower rapport, articulated as a feeling of ‘remoteness’ or reduced social presence, was also reported by interpreters using RI” ”)	Социальное* [Mouzourakis, 2006; Roziner, Shlesinger, 2010]
10	[Skinner et al., 2018, p. 20] Обзор	Присутствие как мера явственности других собеседников (“Presence refers to the degree of salience of the other participants”)	Социальное [Short et al., 1976]
11	[Davitti, Braun, 2020] Эмпирическое	Фрагментированный характер среды негативно влияет на иллюзию присутствия как чувство нахождения вместе, характерное для контактного взаимодействия (“This complexity has often been ascribed to the ‘fractured ecology’ where participants operate, which has been found to hinder participants’ illusion of presence, i.e. the sense of togetherness that is inherent in onsite interaction”)	Социальное (D. Bursky, 2002 ⁶)
12	[René de Cotret et al., 2020, p. 621] Эмпирическое	«Виртуальное присутствие» как обобщающая категория для обозначения набора психологических и физиологических реакций на опосредованность коммуникации технологиями, в частности, ощущение дистанции и отчужденности, которое переводчику приходится преодолевать в ущерб качеству речевого оформления перевода и презентации; «снижение социального присутствия» (“virtual presence, introduced by Mouzourakis in reference to the physical and psychological consequences for all interlocutors, and the feeling of alienation experienced by the interpreter in particular”)	Пространственное* [Mouzourakis, 2006]; социальное [Braun, 2012].

Рассмотрим общее и различное в подходах к определению и применению категории присутствия в исследованиях удаленного конференц-перевода и перевода в социальных ситуациях.

Наиболее ранняя публикация в выборке посвящена тестированию ISDN-телефонии для трансляции аудио- и видеоинформации в кабину синхронного перевода [Böcker, Anderson, 1993]. М. Бекер и Д. Андерсон рассматривают «социальное присутствие» в качестве одного из параметров исследования, наряду с отношением переводчиков к новой конфигурации и их субъективной оценкой сложности профессиональной задачи, пользы видеоизображения при переводе, качества звука и качества собственного перевода. В работе приводится определение Дж. Шорта, Э. Уильямса и Б. Кристи: присутствие как способность технологических ре-

⁶Bursky D. True worldwide communications need hands-on virtual reality // Electronic Design. № 50(20). URL: <https://www.electronicdesign.com/archive/article/21765131/true-worldwide-communications-need-handson-virtual-reality> (дата обращения: 07.08.2023).

шений (*a quality of communications medium*) создавать «ощущение нахождения в одной комнате с собеседником» и способность «моделировать» контактное взаимодействие [Short et al., 1976]. Это первое и широко цитируемое определение социального присутствия базируется на подходе И. Гоффмана, в соответствии с которым со-присутствие (*co-presence*) понимается как ситуация, при которой человек ощущает, что находится в достаточной близости к другому, для того чтобы воспринимать и быть воспринимаемым [Виосса, 2003].

Обращение к категории присутствия в исследовании М. Бекера и Д. Андерсона позволило подчеркнуть важность визуального канала в синхронном переводе. По итогам эксперимента авторы резюмируют, что в удаленной кабине должен быть обеспечен «минимальный уровень социального присутствия»: пространственное и временное разрешение изображения должно давать переводчику возможность воспринимать как речь оратора, так и его невербальное поведение; качество аудио- и видеоизображения не должно приводить к дополнительному стрессу и усталости.

Впервые идея о значимости инструментария исследований присутствия как субъективного ощущения переводчика появляется в работах П. Музуракиса [Mouzourakis, 2003; Mouzourakis, 2006]. Определяя удаленный перевод как вид деятельности в виртуальной среде, П. Музуракис подчеркивает его схожесть с другими задачами, подразумевающими телеприсутствие. Присутствие предлагается рассмотреть в качестве рабочей категории, ключевой метафоры при изучении различных сценариев удаленного перевода (“presence could serve as an ‘anthropocentric’ yardstick for comparing interpreters’ cognitive performance, together with the associated physical and psychological discomfort, for different meeting typologies or technical set-ups” [Mouzourakis, 2003]).

П. Музуракис приводит дефиницию М. Ломбарда и Т. Диттона [Lombard, Ditton, 1997] и отмечает, что ощущение непосредственности взаимодействия – это, вероятно, то, к чему хотелось бы стремиться переводчику в удаленном режиме [Mouzourakis, 2003]. Также он предлагает инструментальное определение, которое в дальнейшем цитируется в большинстве рассмотренных работ: ощущение присутствия противопоставляется состоянию «отчужденности»⁷ (“presence as the absence of alienation”) [Mouzourakis, 2006, p. 58].

Концепция присутствия, таким образом, позволяет не просто обосновать важность визуального канала информации для эффективной работы синхрониста [Mouzourakis, 2006, p. 53], но и выделить такие необходимые свойства среды, как постоянство, иммерсивность и согласованность⁸ (“a consistent, immersive environment for the interpreter”) [Ibid., p. 58]. Так, П. Музуракис отмечает, что не все способы организации видеотрансляции в рабочем пространстве будут способствовать упрощению переводческих задач. Эргономически неудачная расстановка мониторов [Ibid.] и «загруженный», излишне детализированный интерфейс платформы [Saeed et al., 2022] могут привести к обратной ситуации – утомлению переводчика, а не к ощущению присутствия.

Из всех изученных исследований наиболее подробное обращение к теории присутствия мы наблюдаем в программных работах Б. Мозер-Мерсер [Moser-Mercer, 2005; Moser-Mercer, 2005a]. Б. Мозер-Мерсер опирается на определение пространственного присутствия Б. Уитмера и М. Сингера [Witmer, Singer, 1998] и рассматривает «недостаток присутствия» как одну из причин снижения качества перевода в дистанционном режиме (“the lack of virtual presence ... as one of the major factors determining poorer performance in remote as opposed to live simultaneous interpreting”) [Moser-Mercer, 2005, p. 729].

⁷В таблице обращение к этому определению обозначено звездочкой (*).

⁸П. Музуракис рассуждает о влиянии характера визуальной информации на особенности восприятия [Mouzourakis, 2003]; о сложностях преодоления фрагментации среды; о необходимости крупного плана оратора [Mouzourakis, 2003]; о роли искажения изображений оратора и аудитории [Mouzourakis, 2003; Mouzourakis, 2006]; о скорости переключения планов оператором и обеспечении при этом согласованности аудио- и видеосигнала; [Mouzourakis, 2006]; о возможностях выбора плана видеоизображения переводчиком [Mouzourakis, 2006].

Б. Мозер-Мерсер также выделяет детерминанты ощущения присутствия: факторы контроля, сенсорного восприятия, реализма и отвлекающие факторы (“control factors, sensory factors, distraction factors and realism factors”) [Ibid., p. 731]. Непрерывность, синхронность предъявления информации из разных источников и качество видеоизображения оратора и помещения, где проходит мероприятие, рассматриваются как аспекты факторов реализма и сенсорного восприятия, необходимых для формирования присутствия и упрощения работы переводчика [Ibid., p. 732]. Синхронисту необходимо не просто переключаться между стимулами физического и виртуального пространств, а использовать максимум «ресурса внимания» для интерпретации смысла исходного высказывания и смыслового прогнозирования с учетом набора взаимосвязанных стимулов (*coherent set of stimuli*): невербальных (мимика, положение тела оратора), эмоциональных (взаимодействие, взаимоотношения выступающих), а также других контекстуальных, ситуативных и прагматических параметров, составляющих специфику коммуникативного события [Moser-Mercer, 2005, p. 730–731]. Отсутствие возможности контроля виртуальной среды влияет на распределение когнитивных ресурсов и внимания, функционирование механизмов вероятностного прогнозирования. Вовлеченность и погружение выделяются как условия, которые способны упростить задачу переводчика [Ibid.].

К. Сибер и коллеги [Seeber et al., 2019], изучая работу переводчиков в удаленной кабине в рамках чемпионата мира по футболу 2014 года, рассматривают чувство «нахождения там» вслед за П. Музуракисом. Это ощущение характеризуется одновременно как присутствие и погружение, а в качестве смежных указываются понятия потока (*flow*) и когнитивного поглощения (*cognitive absorption*). В этом исследовании оценка ощущения присутствия – также один из социально-психологических параметров восприятия синхронистом нового рабочего места. Выделяются два показателя присутствия: пространственная близость (*proximity index*) и удаленность (*distance index*). Для расчета первого переводчиков просили оценить, насколько в процессе работы они могли «прочувствовать» оратора и аудиторию; почувствовать себя в одном помещении с оратором; ощутить себя частью события. Для расчета второго – оценить объем потерь информации в удаленном режиме, а также то, насколько, по их ощущениям, перевод соответствовал потребностям аудитории. Исследование показало «среднюю степень» присутствия переводчиков по двум параметрам. Как отмечает один из участников опроса, «Ощущение окружения, пространства, – у нас такого нет. Холодно и одиноко. (...) Мне кажется, это действительно влияет на нашу работу» (“When you can feel the environment, the ambience – well we don’t have that. It’s really cold and it’s really remote. (...) I think that does influence our work”) [Seeber et al., 2019, p. 295].

В недавней масштабной работе М. А. Саида и коллег уделяется внимание присутствию, погружению и потоку как состояниям, способствующим упрощению профессиональных задач синхрониста при работе с RSI-платформой. Ощущение изоляции переводчика также характеризуется в исследовании как недостаток присутствия (*lack of presence*). Авторы следуют вектору междисциплинарности, обозначенному в работах П. Музуракиса [Mouzourakis, 2003; Mouzourakis, 2006]: приводится обзор подходов к определению присутствия, в прикладном ключе рассматриваются состояния погружения и потока. Вслед за К. М. Ли [Lee, 2004] присутствие рассматривается как психологическое состояние, при котором субъект не замечает виртуальный характер происходящего (“a psychological state in which the virtuality experience is unnoticed”) [Saeed et al., 2022, p. 218], а также способность виртуальной среды порождать ощущение нахождения вместе (с собеседником) (“ability of a virtual environment to induce feelings of being present/together”). Авторы указывают на трактовку социального присутствия К. М. Ли, который также выделяет физическое, социальное и я-присутствие [Lee, 2004]. Иммерсия, вслед за Б. Уитмером и М. Сингером [Witmer, Singer, 1998], определяется авторами как условие появления ощущения присутствия [Saeed et al., 2022, p. 219]. Описанные теоретические основания в дальнейшем учитываются при разработке интерфейсов RSI-платформы и представ-

ления в них инструментов автоматизации устного перевода на основе систем распознавания звучащей речи [Saeed et al., 2022].

В исследованиях удаленного социального перевода обращение к категории присутствия в первую очередь направлено на интерпретацию сложности установления раппорта [Braun, 2012; Braun, 2017]. Рассуждая о переводе по видеосвязи, С. Браун [Braun, 2012], а также Р. Скиннер, Дж. Напьер и С. Браун описывают присутствие как «меру явственности собеседников» (“degree of salience of the other participants” [Skinner et al., 2018, p. 20]), следуя трактовке социального присутствия Дж. Шорта и коллег [Short et al., 1976]. Технологическая опосредованность влияет на механизмы прогнозирования будущего (в том числе вероятностного прогнозирования), восприятия обратной связи от собеседника и моделирования ситуации. При отсутствии реакции коммуникантов у переводчика появляется ощущение перевода «в пустоту»⁹ [Braun, 2012].

Как и при изучении удаленного конференц-перевода, в исследованиях социального перевода обращение к категории присутствия также позволило подчеркнуть важность свойств среды. Несогласованность аудио- и видеoinформации [Braun, 2012; René de Cotret et al., 2020], «эхо» и задержки, включая минимальные, при передаче сигнала приводят к фрагментации пространства (*fractured ecology*), что негативно влияет на формирование иллюзии присутствия, которую Е. Давитти и С. Браун определяют как «ощущение нахождения вместе» (*sense of togetherness*) [Davitti, Braun, 2020].

В сравнении с конференц-переводом перевод в социальных ситуациях подразумевает расширенный набор конфигураций и профессиональных задач: помимо непосредственно перевода переводчик выполняет координацию коммуникации. При взаимодействии с техногенной средой набор его задач значительно расширяется (см. подробнее в [Краснопеева, Краева, 2022]). В условиях ограничений визуального канала информации в связи с отсутствием невербальных сигналов мены ролей в диалоге усложняется не только понимание смысла исходного текста, но и сохранение динамики диалога [René de Cotret et al., 2020; Braun, 2012]. Вероятно, поэтому в контексте удаленного последовательного перевода больше внимания уделяется качеству звука, поскольку именно при дистанционной связи с учреждениями здравоохранения и иными ведомственными учреждениями у сторон может не быть индивидуальных гарнитур; на работу микрофонов может влиять плохая акустика или взаимодействие с аудиосистемой в помещении; может происходить «наложение» речи переводчика на речь коммуникантов; несколько коммуникантов могут говорить одновременно, в результате чего будут появляться посторонние шумы и «провалы» в аудиосигнале [Braun, 2012; René de Cotret et al., 2020].

Ф. Рене де Котре и коллеги используют категорию «виртуального присутствия» в определении удаленного социального перевода: “RI does not refer solely to telecommunications technology, but also to the knowledge and skill set needed to supervise and support the use of that technology in specific practice contexts while minimizing the effect of the virtual presence” [René de Cotret et al., 2020, p. 632]. Навыки и умения, направленные на преодоление эффекта «виртуального присутствия» (“techniques to mitigate the effect of the virtual presence”) [Ibid., p. 629], включаются как в рекомендации переводчику и заказчику, так и в описание технологической компетенции переводчика.

⁹Наличие обратной связи с аудиторией является важным аспектом и для процесса синхронного перевода [Moser-Mercer, 2005, p. 730] (наличие реакции, например, кивков, или смеха при восприятии переведенной шутки). Как отмечает один из переводчиков в исследовании Б. Мозер-Мерсер, «С наступлением утомления постепенно пропала и иллюзия участия во встрече, я почувствовала, что смотрю телепрограмму. Действующее лицо стало наблюдателем. Это плохо сказывается на мотивации» (“As I became more tired, I gradually lost the illusion of participating in the meeting, and instead, I just found myself watching the TV. An agent became a viewer. This is not good for motivation”) [Moser-Mercer, 2005, p. 735]. Соответственно, требование интерактивности как способа поддержки присутствия может обеспечиваться за счет особенностей организации интерфейса платформы удаленного перевода (см., например, [Saeed et al., 2022]).

Подводя итог обсуждения, обратим внимание на то, что практически все рассмотренные статьи в выборке взаимосвязаны: в исследованиях, посвященных удаленному переводу в социальных ситуациях, цитируются результаты значимых эмпирических исследований удаленного конференц-перевода и наоборот. Тем не менее, ввиду различий в переводческих задачах и возможностях технического обеспечения, две группы исследований выделяют разные аспекты и компоненты присутствия – как пространственного, так и социального. Кроме того, как мы отмечали ранее, в изученных исследованиях, за исключением программных работ, редко ставится цель описать переживаемый переводчиком опыт присутствия, при этом в них подробно раскрываются технологические, персонологические и деятельностные факторы, потенциально влияющие на это состояние, что создает комплексную платформу для обоснования потребностей переводчика при работе в удаленном режиме.

Заключение

Таким образом, проведенный обзор показал, что исследователи удаленного перевода в целом опираются на понимание присутствия как субъективного ощущения переводчика. Авторы обращаются к определениям как социального, так и пространственного присутствия, причем последнее чаще рассматривается при изучении удаленного синхронного перевода, а в исследованиях перевода в социальных ситуациях присутствует обобщенная характеристика пространственного и социального присутствия. В некоторых исследованиях перевода в социальных ситуациях присутствие также понимается не как психологическое состояние, а как факт технологической обусловленности коммуникации: противопоставляются физическое присутствие переводчика на месте и его виртуальное присутствие.

Одновременно можно заключить, что в научном переводческом дискурсе категория присутствия имеет инструментальный характер и определяется через противопоставление: словосочетание «недостаток присутствия» (*lack of presence*) используется как способ описания ощущений изолированности, оторванности, отчужденности, удаленности, дистанции и непричастности к ситуации, которые испытывает переводчик. Ввиду того, что переводоведы ставят задачу выявить природу скорого утомления, повышения когнитивной нагрузки и появления психологического дискомфорта переводчика, присутствие предстает в одном ряду с понятиями потока, вовлеченности, погружения и когнитивного поглощения, хотя в моделях присутствия они могут выступать лишь в качестве его компонентов или детерминант. Наиболее целостное применение теорий присутствия, как мы могли наблюдать, представлено в программных работах П. Музуракиса, Б. Мозер-Мерсер, а также более поздних прикладных исследованиях.

Предлагая рассматривать присутствие как отправную точку при изучении свойств удаленного перевода, П. Музуракис переносит фокус с отдельно взятых технологических факторов и когнитивно-психологических аспектов перевода на их взаимосвязь и взаимозависимость в условиях виртуальной среды. В долговременной перспективе это направлено на поиск средств поддержки эффективности профессиональной деятельности переводчика и оптимизацию его пользовательского опыта.

Как поэтично отметил в 1999 году переводчик, профессор Х. Байгорри-Халон, «удаленный перевод – символ триумфа технологий над пространством и одновременно – символ утраты места, делегализации или обретения «места, которого нет» – утопии в буквальном смысле этого слова» [Baigorri-Jalón, 1999]. Современные междисциплинарные переводоведческие исследования позволяют рассуждать о том, что при взаимодействии с виртуальной средой, тем «местом, которого нет», ключевые механизмы речевой деятельности переводчика работают немного иначе, чем при непосредственной коммуникации.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет интеграция когнитивных моделей перевода и моделей присутствия (опосредованного телеприсутствия) как категории, которая призвана

интерпретировать опыт восприятия пространства и взаимодействия с другими агентами в техногенной среде, а также их дальнейшее применение при трактовке результатов эмпирических исследований и разработке платформ для удаленного устного перевода.

Список литературы

- Авербух Н. В.** Феномен присутствия. Терминология и определения // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2022. № 6. С. 147–184. DOI 10.17586/2587-8557-2022-6-147-184
- Краснопеева Е. С., Краева С. С.** Адаптация устного переводчика к работе в гибридной среде (на примере пусконаладочных работ с удаленным участником) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. № 8(2). С. 6–23. DOI 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23
- Baigorri-Jalón J.** Conference interpreting: From modern times to space technology // Interpreting. 1999. № 4(1). P. 29–40. DOI 10.1075/intp.4.1.05bai
- Biocca F.** Lighting a path while immersed in presence: A wayward introduction // Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology. Springer, Cham. 2015. P. 1–9.
- Biocca F., Harms C., Burgoon J. K.** Toward a more robust theory and measure of social presence: Review and suggested criteria // Presence: Teleoperators & Virtual Environments. 2003. № 12. P. 456–480. DOI 10.1162/105474603322761270
- Biocca F., Harms C., Gregg J.** The networked minds measure of social presence: Pilot test of the factor structure and concurrent validity // Proceedings of the 4th Annual International Workshop on Presence. Philadelphia. 2001. P. 1–9.
- Böcker M., Anderson D.** Remote conference interpreting using ISDN videotelephone: A requirements analysis and feasibility study // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society annual meeting. 1993. № 37(3). Pp. 235–239. DOI 10.1177/154193129303700305
- Braun S.** Recommendations for the use of video-mediated interpreting in criminal proceedings // Videoconference and remote interpreting in criminal proceedings. Antwerp/Cambridge, Intersentia. 2012. P. 301–328.
- Braun S.** What a micro-analytical investigation of additions and expansions in remote interpreting can tell us about interpreters' participation in a shared virtual space // Journal of Pragmatics. 2017. № 107. P. 165–177. DOI 10.1016/j.pragma.2016.09.011
- Braun S., Davitti E., Slater C.** “It’s like being in bubbles”: Affordances and challenges of virtual learning environments for collaborative learning in interpreter education // The Interpreter and Translator Trainer. 2020. № 14(3). P. 1–20. DOI 10.1080/1750399x.2020.1800362
- Davitti E., Braun S.** Analysing interactional phenomena in video remote interpreting in collaborative settings: Implications for interpreter education // The Interpreter and Translator Trainer. 2020. № 14(3). P. 279–302. DOI 10.1080/1750399X.2020.1800364
- Felton W. M., Jackson, R. E.** Presence: A review // International Journal of Human-Computer Interaction. 2022. № 38(1). P. 1–18. DOI 10.1080/10447318.2021.1921368
- Franceschi K., Lee R. M., Zanakis S. H., Hinds D.** Engaging group e-learning in virtual worlds // Journal of Management Information Systems. 2009. № 26(1). P. 73–100. DOI 10.2753/MIS0742-1222260104
- Hartmann T., Wirth W., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Böcking S.** Spatial presence theory: State of the art and challenges ahead // Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology. Springer, Cham. 2015. P. 115–135.
- Lee K. M.** Presence, explicated // Communication Theory. 2004. № 14(1). P. 27–50. DOI 10.1111/j.1468-2885.2004.tb00302.x

- Lombard M., Ditton T.** At the heart of it all: the concept of presence // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1997. № 3(2). JCMC321. DOI 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x
- Lombard M., Jones M. T.** Defining presence // *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham. 2015. P. 13–34.
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: assessment of human factors and performance parameters. Joint Project International. 2003. URL: https://aiic.org/document/516/AI-ICWebzine_Summer2003_3_MOSER-MERCER_Remote_interpreting_Assessment_of_human_factors_and_performance_parameters_Original.pdf (дата обращения: 07.08.2023).
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: Issues of multi-sensory integration in a multilingual task // *Meta*. 2005. № 50(2). P. 727–738. DOI 10.7202/011014ar
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: The crucial role of presence // *Bulletin VALS-ASLA*. Swiss Association of Applied Linguistics. 2005a. № 81. P. 73–97.
- Mouzourakis P.** Remote interpreting: a technical perspective on recent experiments // *Interpreting*. 2006. № 8(1). P. 45–66. DOI 10.1075/intp.8.1.04mou
- Mouzourakis P.** That feeling of being there: vision and presence in remote interpreting // *The AIIC Webzine* 23. 2003. URL: https://aiic.org/document/520/AIICWebzine_Summer2003_7_MOUZOURAKIS_That_feeling_of_being_there_Vision_and_presence_in_remote_interpreting_EN.pdf (дата обращения: 07.08.2023).
- Pöchhacker F.** Interpreters and interpreting: shifting the balance // *The Translator*. 2022. № 28(2). P. 148–161. DOI 10.1080/13556509.2022.2133393
- René de Cotret F., Beaudoin-Julien A.-A., Leanza Y.** Implementing and managing remote public service interpreting in response to COVID-19 and other challenges of globalization // *Meta*. 2020. № 65(3). P. 618–642. DOI 10.7202/1077406ar
- Riva G., Mantovani F., Waterworth E. L., Waterworth J. A.** Intention, action, self and other: An evolutionary model of presence // *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham. 2015. P. 73–99.
- Roziner I., Shlesinger M.** Much ado about something remote: Stress and performance in remote interpreting // *Interpreting*. 2010. №12(2), P. 214–247. DOI 10.1075/intp.12.2.05roz
- Saeed M. A., González E. R., Korybski T., Davitti E., Braun S.** Connected yet distant: An experimental study into the visual needs of the interpreter in Remote Simultaneous Interpreting // *Human-Computer Interaction. User Experience and Behavior. HCII 2022. Lecture Notes in Computer Science*. № 13304. Springer, Cham. 2022. P. 214–232. DOI 10.1007/978-3-031-05412-9_16
- Seeber K. G., Keller L., Amos R., Hengl S.** Expectations vs. experience: Attitudes towards video remote conference interpreting // *Interpreting*. 2019. № 21(2). P. 270–304. DOI 10.1075/intp.00030.see
- Short J., Williams E., Christie B.** *The Social Psychology of Telecommunications*. New York, NY, John Wiley. 1976. 195 p.
- Skinner R., Napier J., Braun S.** Interpreting via video link: Mapping of the field // *Here or there: Research on interpreting via video link*. Gallaudet. 2018. P. 11–35. DOI 10.2307/j.ctv2rh2bs3.4
- Wirth W., Hartmann T., Böcking S., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Saari T., Laarni J., Ravaja N., Gouveia F. R., Biocca F.** A process model of the formation of spatial presence experiences // *Media Psychology*. 2007. № 9(3). P. 493–525. DOI 10.1080/15213260701283079
- Wirth W., Hofer M., Schramm H.** The role of emotional involvement and trait absorption in the formation of spatial presence // *Media Psychology*. 2012. № 15(1). P. 19–43. DOI 10.1080/15213269.2011.648536
- Witmer B. G., Singer M. J.** Measuring presence in virtual environments: a presence questionnaire // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. 1998. № 7. P. 225–240. DOI 10.1162/105474698565686

References

- Averbukh N. V.** The phenomenon of presence. Terminology and definitions. *Information Society: Education, Science, Culture and Technology of Future*, 2022, no. 6, pp. 147–184. (in Russ.) DOI 10.17586/2587-8557-2022-6-147-184
- Baigorri-Jalón J.** Conference interpreting: From modern times to space technology. *Interpreting*, 1999, vol. 4, iss. 1, pp. 29–40. DOI 10.1075/intp.4.1.05bai
- Biocca F.** Lighting a path while immersed in presence: A wayward introduction. In: *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham, 2015, pp. 1–9.
- Biocca F., Harms C., Burgoon J. K.** Toward a more robust theory and measure of social presence: Review and suggested criteria. *Presence: Teleoperators & Virtual Environments*, 2003, vol. 12, pp. 456–480. DOI 10.1162/105474603322761270
- Biocca F., Harms C., Gregg J.** The networked minds measure of social presence: Pilot test of the factor structure and concurrent validity. In: Proceedings of the 4th Annual International Workshop on Presence. Philadelphia, 2001, pp. 1–9.
- Böcker M., Anderson D.** Remote conference interpreting using ISDN videotelephone: A requirements analysis and feasibility study. In: Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society annual meeting. 1993, vol. 37, no. 3, pp. 235–239. DOI 10.1177/154193129303700305
- Braun S.** Recommendations for the use of video-mediated interpreting in criminal proceedings. In: *Videoconference and remote interpreting in criminal proceedings*. Antwerp/Cambridge, Intersentia, 2012, pp. 301–328.
- Braun S.** What a micro-analytical investigation of additions and expansions in remote interpreting can tell us about interpreters' participation in a shared virtual space. *Journal of Pragmatics*, 2017, vol. 107, pp. 165–177. DOI 10.1016/j.pragma.2016.09.011
- Braun S., Davitti E., Slater C.** “It’s like being in bubbles”: Affordances and challenges of virtual learning environments for collaborative learning in interpreter education. *The Interpreter and Translator Trainer*, 2020, vol. 14, iss. 3, pp. 1–20. DOI 10.1080/1750399x.2020.1800362
- Davitti E., Braun S.** Analysing interactional phenomena in video remote interpreting in collaborative settings: Implications for interpreter education. *The Interpreter and Translator Trainer*, 2020, vol. 14, iss. 3, pp. 279–302. DOI 10.1080/1750399X.2020.1800364
- Felton W. M., Jackson R. E.** Presence: A review. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 2022, vol. 38, iss. 1, pp. 1–18. DOI 10.1080/10447318.2021.1921368
- Franceschi K., Lee R. M., Zanakis S. H., Hinds D.** Engaging group e-learning in virtual worlds. *Journal of Management Information Systems*. 2009. № 26(1). Pp. 73–100. DOI 10.2753/MIS0742-1222260104
- Hartmann T., Wirth W., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Böcking S.** Spatial presence theory: State of the art and challenges ahead. In: *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham, 2015, pp. 115–135.
- Krasnopeyeva E. S., Kraeva S. S.** Interpreter adaptation in hybrid ecology: the case of video-mediated commissioning of equipment. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2022, vol. 8, iss. 2 (30), pp. 6–23. (in Russ.). DOI 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23
- Lee K. M.** Presence, explicated. *Communication Theory*, 2004, vol. 14, iss. 1, pp. 27–50. DOI 10.1111/j.1468-2885.2004.tb00302.x
- Lombard M., Ditton T.** At the heart of it all: the concept of presence. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1997, vol. 3, iss. 2, JCMC321. DOI 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00072.x
- Lombard M., Jones M. T.** Defining presence. In: *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham, 2015, pp. 13–34.
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: assessment of human factors and performance parameters. 2003. Available at: https://aiic.org/document/516/AI-ICWebzine_Summer2003_3_MOSER-

- MERCER_Remote_interpreting_Assessment_of_hu-man_factors_and_performance_parameters_Original.pdf (accessed: 07.08.2023).
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: Issues of multi-sensory integration in a multilingual task. *Meta*, 2005, vol. 50, iss. 2, pp. 727–738. DOI 10.7202/011014ar
- Moser-Mercer B.** Remote interpreting: The crucial role of presence. *Bulletin VALS-ASLA. Swiss Association of Applied Linguistics*, 2005a, vol. 81, pp. 73–97.
- Mouzourakis P.** Remote interpreting: a technical perspective on recent experiments. *Interpreting*, 2006, vol. 8, iss. 1, pp. 45–66. DOI 10.1075/intp.8.1.04mou
- Mouzourakis P.** That feeling of being there: vision and presence in remote interpreting. The AIIC Webzine 23. 2003. Available at: https://aiic.org/document/520/AIICWebzine_Summer2003_7_MOUZOURAKIS_That_feeling_of_being_there_Vision_and_presence_in_remote_interpreting_EN.pdf (accessed: 07.08.2023).
- Pöchhacker F.** Interpreters and interpreting: shifting the balance. *The Translator*, 2022, vol. 28, iss. 2, pp. 148–161. DOI 10.1080/13556509.2022.2133393
- René de Cotret F., Beaudoin-Julien A.-A., Leanza Y.** Implementing and managing remote public service interpreting in response to COVID-19 and other challenges of globalization. *Meta*, 2020, vol. 65, iss. 3, pp. 618–642. DOI 10.7202/1077406ar
- Riva G., Mantovani F., Waterworth E. L., Waterworth J. A.** Intention, action, self and other: An evolutionary model of presence. In: *Immersed in media: Telepresence theory, measurement & technology*. Springer, Cham, 2015, pp. 73–99.
- Roziner I., Shlesinger M.** Much ado about something remote: Stress and performance in remote interpreting. *Interpreting*. 2010, vol. 12, iss. 2, pp. 214–247. DOI 10.1075/intp.12.2.05roz
- Saeed M. A., González E. R., Korybski T., Davitti E., Braun S.** Connected yet distant: An experimental study into the visual needs of the interpreter in Remote Simultaneous Interpreting. In: *Human-Computer Interaction. User Experience and Behavior. HCII 2022. Lecture Notes in Computer Science*. No. 13304. Springer, Cham, 2022, pp. 214–232. DOI 10.1007/978-3-031-05412-9_16
- Seeber K. G., Keller L., Amos R., Hengl S.** Expectations vs. experience: Attitudes towards video remote conference interpreting. *Interpreting*. 2019, vol. 21, iss. 2, pp. 270–304. DOI 10.1075/intp.00030.see
- Short J., Williams E., Christie B.** *The Social Psychology of Telecommunications*. New York, NY, John Wiley, 1976, 195 p.
- Skinner R., Napier J., Braun S.** Interpreting via video link: Mapping of the field. In: *Here or there: Research on interpreting via video link*. Gallaudet, 2018, pp. 11–35. DOI 10.2307/j.ctv2rh2bs3.4
- Wirth W., Hartmann T., Böcking S., Vorderer P., Klimmt C., Schramm H., Saari T., Laarni J., Ravaja N., Gouveia F. R., Biocca F.** A process model of the formation of spatial presence experiences. *Media Psychology*, 2007, vol. 9, iss. 3, pp. 493–525. DOI 10.1080/15213260701283079
- Wirth W., Hofer M., Schramm H.** The role of emotional involvement and trait absorption in the formation of spatial presence // *Media Psychology*, 2012, vol. 15, iss. 1, pp. 19–43. DOI 10.1080/15213269.2011.648536
- Witmer B. G., Singer, M. J.** Measuring presence in virtual environments: a presence questionnaire. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 1998, vol. 7, pp. 225–240. DOI 10.1162/105474698565686

Информация об авторе

Краснопеева Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории современного переводоведения и инновационных технологий перевода Челябинского государственного университета

Information about the Author

Ekaterina S. Krasnopeyeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Translation; Senior Researcher at the Academic Laboratory for Modern Translation Studies and Innovation in Translation Technology, Chelyabinsk State University, Russia

*Статья поступила в редакцию 10.08.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 17.01.2024*

*The article was submitted 10.08.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 17.01.2024*